

МЕТАФОРИЗАЦИЯ СОВЕЩАТЕЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В. А. Каменева, Н. В. Рабкина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект 19-012-00522 «Проблема легитимизации в политическом дискурсе: лингвоперсонологический аспект».

На материале дискурса совещаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (2020 г.) была исследована специфика метафоризации совещательного политического дискурса в его статусно-ролевом аспекте. На основе контент-анализа, интент-анализа и семантико-стилистического метода определены функции метафор и доказано отсутствие в речи председателя В. И. Матвиенко и членов Совета доминантой метафоры с одной сферой-источником.

Ключевые слова: *политический дискурс, политическая метафорология, лингвоперсонология, метафора, прагматический потенциал.*

Политическая метафорология, возникшая на пересечении метафорологии и политической лингвистики, видит в политической метафоре инструмент осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на сознание масс [11], то есть средство убеждения или манипуляции сознанием избирателей. Соответственно, многие лингвистические труды о политической метафоре основываются на материале политического дискурса, напрямую связанного с воздействием на оппонента или аудиторию: дебатах, публичных речах, предвыборном дискурсе. Изучение же метафорического репертуара определенного политика, напротив, помогает определить его подлинное отношение к какой-либо проблеме.

Если считать политический дискурс субдискурсом идеологического метадискурса, то роль метафоры также сводится в нем к инструменту «борьбы за фундаментальные групповые ценности»: «борьбы за власть номинаций» и «власть в сфере обозначения» [3. С. 13]. Политическая метафора, таким образом, становится синонимом манипуляции: говоря об одном в терминах другого, адресат навязывает адресанту свою (или желаемую) точку зрения на определенные явления или события.

Между тем актуализация функции воздействия совещательного политического дискурса при помощи метафоры представляется значимой, но не главной. В рамках данного типа дискурса метафора — эффективный инструмент актуализации другой функции, а именно фасилитации. Эта функция часто остается за рамками исследовательского интереса, так как ученых, как правило, интересует

яркое событие (предвыборная гонка, переговоры, официальная встреча, обращение, публичное выступление, конфликтная ситуация и т. д.) и порожаемый им дискурс. Однако, если отойти от этого хорошо изученного материала и обратиться к более «рутинному» и менее исследованному дискурсу политического совещания или заседания, метафора, по нашему предположению, в большинстве случаев будет способствовать реализации функции фасилитации совещательного политического дискурса.

Данная работа посвящена изучению метафоризации так называемого рутинного политического дискурса. Чтобы политический дискурс стал институциональным, необходимы два условия: соответствующая окружающая обстановка (правительственное заседание, сессия парламента, съезд партии и т. д.) и выступление адресанта в своей профессиональной роли в процессе политической коммуникации [4]. Совет Федерации как политический институт является ограниченным институциональным пространством и механизмом, цель которого — регламентированность политической деятельности, и с этой точки зрения такая коммуникация — концентрированное выражение политических процессов [1].

Как известно, политический дискурс не однороден по целям, количеству участников, жанровым характеристикам, целевой аудитории, адресанту, институциональной принадлежности и ряду других характеристик. При этом отметим актуальность и дискуссионность оснований классификации политического дискурса. В данной работе под политическим дискурсом в целом будет пониматься

совокупность текстов, создаваемых с целью таргетирования социально-политических вопросов и проблем легитимными адресантами. Совещательный политический дискурс будет трактоваться как совокупность текстов, создаваемых политиками в ходе совещаний или заседаний для решения текущих социально-политических вопросов.

Выбор данного дискурса для исследования особенностей метафоризации не случаен. Изучение данного типа дискурса в целом и его метафоризации в частности на данный момент носит фрагментарный характер. Материалы парламентских заседаний и тому подобных рабочих совещаний анализируются с учетом канала передачи информации [1; 2], интенсивности высказывания [8], гендерных особенностей коммуникантов [6], но не метафоризации. На сегодня основное внимание ученых уделяется метафоризации политического дискурса СМИ и предвыборного дискурса, а также дискурса парламентских дебатов, характеризующихся повышенным прагматическим потенциалом из-за своей целевой направленности [5; 9; 10; 13—16].

Обзор научных работ показывает, что в таком типе дискурса доминирует одна метафора, позволяющая политикам и политическим институтам достигать поставленной цели, формировать требуемую оценку адресатом транслируемой информации, решать определенные социально-политические вопросы [7; 17]. Представляется, что в дискурсе политических совещаний не будет доминирующих метафор, а главенствующими функциями метафоры будут: прагматическая — у председателя совещаний, когнитивная в ее номинативно-оценочной разновидности — у остальных участников. Это позволило бы реализовать основную функцию совещательного политического дискурса — функцию фасилитации, заключающуюся в принятии взвешенных совместных решений на совещаниях политиков.

В предвыборном дискурсе, политическом дискурсе СМИ и дискурсе парламентских дебатов метафора выполняет следующие функции:

- когнитивная (подразделяющаяся на номинативно-оценочную, моделирующую, инструментальную, гипотетическую);
- прагматическая (объединяющая побудительную, аргументативную и эмотивную);
- эстетическая (подразделяющаяся на изобразительную и экспрессивную);
- коммуникативная (включающая эвфемистическую, популяризаторскую [12] и функцию вуалирования ответственности).

Обзор научных работ по политической метафорологии позволяет говорить о том, что в политическом дискурсе СМИ и предвыборном дискурсе на первый план выходит прагматическая функция в ее аргументативной и эмотивной разновидностях.

Представляется, что из-за существенных и целевых отличий политического дискурса совещаний от предвыборного дискурса, политического дискурса СМИ и дискурса парламентских дебатов его функции и их иерархия будут отличаться и варьироваться в зависимости от статусно-ролевого аспекта его участников.

В России парламентская коммуникация долгое время тяготела к аппаратным формам, ввиду чего оставалась недостаточно изучена. Однако сегодня парламентская коммуникация в России достаточно прозрачна [1]. Стенограммы практически всех выступлений и интервью политиков высшего ранга, заседаний и совещаний различных органов государственной власти страны размещаются в открытом доступе на официальных интернет-ресурсах. Для решения поставленных задач исследования был выбран дискурс совещаний Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Приемом сплошной выборки были отобраны стенограммы нескольких совещаний за 2020 г. (от 14 и 17 февраля). В генеральную выборку вошли 118 метафор, отобранных приемом направленной выборки. В качестве основных методов исследования наряду с общенаучными применялся контент-анализ, интент-анализ и семантико-стилистический метод.

Методика анализа идентифицированных метафор включала следующие процедуры:

- 1) классификация метафор по сфере-источнику метафорической экспансии в дискурсе председателя;
- 2) классификация метафор по сфере-источнику метафорической экспансии в дискурсе остальных участников;
- 3) сравнение полученных классификаций с целью выявления наличия или отсутствия доминантных метафор;
- 3) определение функций метафор в дискурсе председателя;
- 4) установление функций метафор в дискурсе остальных участников;
- 5) интерпретация полученных результатов в статусно-ролевом аспекте политиков.

Обращение к статусно-ролевому аспекту метафоризации совещательного политического дискурса и специфике метафоризации политического дис-

курса председателя заседаний позволило получить следующие результаты.

Анализ метафор, извлеченных из дискурса председателя Совета Федерации В. И. Матвиенко, позволил подтвердить гипотезу о том, что в совещательном политическом дискурсе нет доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. В результате проведенного исследования были идентифицированы следующие сферы-источники: «живые организмы», «жилище», «техника», «флора», «дорога», «фауна», «спорт», «экономика и бизнес», «искусство и культура», «история», «медицина», «физическая география», «химия», «книги». Первая сфера чаще всего привлекалась для метафорических переносов.

Приведем несколько примеров: *«В свое время, когда я была губернатором, очень активно обсуждалась тема инфраструктурных облигаций, потом она как-то тихо умерла, не используются они»; «В общем, конкретные предложения, что надо сделать, чтобы оживить и в целом финансовый рынок»; «Железная дорога остается кровеносной системой России, от состояния которой напрямую зависят и экономическое развитие регионов, и социальное самочувствие наших граждан».* В. И. Матвиенко использует метафору «тема/рынок/РЖД — живые организмы», подчеркивая, что все это явления, нуждающиеся в поддержке извне, вливании жизненных сил, внимании.

Количественный анализ метафор в дискурсе В. И. Матвиенко показал лидерство прагматической функции (10 примеров), что логичным образом объясняется основной задачей председателя — организовывать работу Совета, давать поручения, побуждать к определенным действиям. На втором месте, согласно полученным данным, находится коммуникативная функция (7 примеров), что также логично вытекает из обязанностей Председателя — не просто давать поручения, но и разъяснять их максимально доступно и однозначно. Когнитивная функция (5 примеров) также имеет моделирующую или инструментальную направленность: она реализуется через свойство метафорической модели «подсказывать» реципиенту задаваемый адресантом ход действия или определять направление развития его мысли. Эстетическая функция сведена к минимуму (1 пример) и выступает маркером окончания обсуждения темы.

Обратимся к результатам анализа метафоризации политического дискурса участников заседаний Совета Федерации.

В генеральную выборку вошли метафоры, извлеченные из выступлений 26 политиков: Л. Б. Нарусовой, Е. Б. Мизулиной, Л. Н. Боковой, А. А. Клишаса, Д. И. Оюн, В. К. Кравченко, Н. А. Журавлёва, Н. В. Фёдорова, Д. Ю. Василенко, И. Н. Морозова, В. И. Булавина, С. Ф. Лисовского, А. В. Кондратьева, О. П. Королёва, А. В. Цыбульского, А. К. Акимова, Е. А. Перминовой, А. П. Майорова, М. В. Козлова, О. В. Цепкина, С. И. Кисляка, О. В. Белозёрова, А. В. Курпатов, В. В. Рязанского, Л. С. Гумеровой, О. М. Драпкиной.

Анализ метафоризации дискурса политиков, принимавших участие в совещаниях, также подтверждает гипотезу о том, что для совещательного политического дискурса нехарактерно наличие доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. Проведенный анализ позволил идентифицировать следующие сферы-источники: «техника», «живые организмы», «быт», «медицина», «спорт», «жилище», «искусство и культура», «война», «дорога», «фауна», «флора», «экономика и бизнес», «геометрия», «физика», «преступление», «география». Первые три сферы чаще всего привлекались для метафорических переносов. Как видно из приведенных данных, такие две сферы-источника метафорической экспансии, как «живые организмы» и «техника», совпали с теми, к которым апеллировала председатель. Такие сферы-источники, как «жилище», «искусство и культура», «война» и «дорога», вошли во вторую по представленности группу употреблений. Оставшиеся сферы-источники метафорической экспансии были отнесены к третьей группе с единичными актуализациями.

Техническая метафора в большинстве случаев выполняла когнитивную функцию в ее оценочно-номинативной разновидности. Так, комплекс успешных концессионных соглашений номинируется *«работающим механизмом»* (О. В. Белозёров), а новые инвестиционные механизмы рассматриваются как *«важнейший драйвер развития экономики»* (В. К. Кравченко). С таким же функционалом новые назначения в кабинете министров номинируются *«перезагрузкой кабинета министров»* (Д. И. Оюн).

Техническая метафора в совещательном политическом дискурсе также служит коммуникативной цели в ее аргументативно-объяснительной разновидности. Представители различных направлений прибегают к технической метафоре для того, чтобы в доступной форме объяснить коллегам специфическую информацию. Так А. В. Курпатов,

эксплицируя влияние определенного онлайн-контента на поведенческие паттерны и когнитивную деятельность пользователей, прибегает к технической метафоре. Непопулярность качественного контента объясняется им *«эволюционными настройками»* человеческого мозга, стремящегося к экономии энергозатрат. Призывая способствовать борьбе против потребления примитивного контента, А. В. Курпатов также использует техническую метафору, актуализирующую восприятие нашего мозга в качестве информационного сервера: *«В результате формирования этих нейронных сетей, по сути дела, у нас формируется тот сервер, который просчитывает информацию, которая хранится в нашем мозге. И чем лучше структурирован этот сервер, тем лучше вы будете думать»* (А. В. Курпатов).

Метафора со сферой-источником «живой организм» была широко представлена в дискурсе участников. Утвержденные программы социально-экономического развития регионов описываются при помощи персонификации: федеральные политики интересуются *«судьбой этих программ»* (Д. И. Оюн). В таком ключе значимость программ, с одной стороны, выводится с уровня «человек — вещь» на уровень «человек — человек». С другой стороны, вуалируется ответственность политиков за *«судьбу»* программ. Антропоморфная метафора была зафиксирована при обсуждении принятых документов, актуализируя прагматическую функцию в ее эмотивной разновидности: *«Не все регионы могут решить те вопросы, которые ставятся перед железной дорогой. Но документ живой»* (О. В. Белозёров).

Приведем пример того, как смешение антропоморфной и криминальной метафор позволяет реализовывать аргументативную и эмотивную функции в политическом совещательном дискурсе. Так, по мнению политиков, *«доброе совестный бизнес не должен постоянно ходить под статью, постоянно чувствовать риск административного или даже уголовного наказания»* (В. Н. Бондарев).

Антропоморфную метафорику в политическом совещательном дискурсе получили не только бизнес-структуры, институты развития, министерства, но и индустриальные зоны: *«И мы видим, как активно заработали институты развития — ВЭБ в первую очередь, Российский экспортный центр. Мы видим, как реально начала работать российская индустриальная зона в Египте»* (И. Н. Морозов).

Сравнение создания и ввода в эксплуатацию рельсовых автобусов нового поколения с живым организмом демонстрирует использование метафоры в коммуникативной функции, с ее помощью объясняется важность данного типа транспорта для страны: *«Первые машины начали свою жизнь именно на Сахалине»* (О. В. Белозёров).

Метафора со сферой-источником «быт» реализует ряд функций, например коммуникативную в ее эвфемистической разновидности. Говоря о последовательности принятия поправок в конституцию, Л. Б. Нарусова подчеркивает, *«что мы помимо тех, кого мы делегировали в рабочую группу, должны такие слушания или круглый стол провести до того, как в Государственной Думе всё это решат, а нам дадут готовым на блюде»*. Прибегая к такой метафоре, политик имплицитно высказывает свою точку зрения о возможной непоследовательности при проведении указанной процедуры.

Метафоры из области быта также актуализируют когнитивную функцию в ее номинативно-оценочной разновидности. Призывая ответственных оптимизировать процедуру оформления документов для заказа представительских автомобилей, Л. Б. Нарусова говорит о том, что *«транспортный отдел для заказа автомобилей делает две бумаги — такие большие простыни»*. Подобная метафоризация позволяет реципиентам понять негативную оценочность существующего порядка оформления данных документов. Актуализация данной функции прослеживается и в примере, описывающем проблемы с обустройством пунктов пропуска таможенной службы: *«Они стали своего рода узким горлышком внешней торговли, препятствием для ее динамичного развития»* (В. И. Булавин).

При этом отметим, что метафоры со сферой-источником «быт», выполняя номинативную функцию, во многих случаях могут быть отнесены к так называемым стертым метафорам с нейтральной оценочностью, например: *«транспортный узел», «цепь поставок»*.

Метафоры со сферой-источником из области медицины реализуют целый спектр функций. Такие метафоры, как *«работа таможни — симптом», «цифровое слабоумие»* и *«регионы-доноры»*, актуализируют когнитивную функцию в ее номинативно-оценочной разновидности. Прагматическую функцию в ее побудительной разновидности реализуют метафоры *«заразить регионы этой идеей», «держать руку на пульсе жизни всей страны», «проводить профилактику коррупционных нарушений»*.

Метафора со сферой-источником метафорической экспансии «спорт» реализует как коммуникативную, так и прагматическую функции при описании программ развития регионов, таможенной службы, таможенного администрирования и налоговой системы: «**стартовые позиции**», «**дан старт**», «**контрольные барьеры**», «**рывок вперед**».

Метафоры со сферой-источником из области искусства и культуры актуализируют несколько функций. Метафоры «**декорационные статисты**» и «**массовка**» применительно к гражданам страны в высказывании Л. Б. Нарусовой по вопросу о необходимости соблюдения последовательности принятия поправок в Конституцию актуализируют эвфемистическую функцию. Прибегая к театральной метафоре, политик дает негативную имплицитную оценку ситуации, когда закон о поправках будет принят до голосования гражданами. Метафоры «**буквально обцими мазками**», «**сыграть роль**» и «**матрешечный регион**» реализуют коммуникативную функцию и призваны объяснить явление или мнение.

В совещательном политическом дискурсе вопросы о принятии закона о недопустимости ввоза генно-модифицированных сельскохозяйственных культур описываются при помощи метафоры «политика — война»: «**Это значимый результат для нас, поскольку по вашей инициативе Совет Федерации неоднократно поднимал данную тему и давал соответствующие рекомендации в Совет Безопасности, в администрацию президента и в правительство, и какие там битвы, бои про-исходили**» (Н. В. Федоров).

Метафора дороги используется политиками при обсуждении вопросов, связанных с работой РЖД и таможенной сферы, актуализируя эмоциональную функцию. Например, О. В. Белозёров напоминает Совету Федерации, что РЖД и правительство «**прошли путь вместе**», решая проблемы развития транспортной инфраструктуры. В. И. Булавин, рассуждая о роли человека в век глобальной цифровизации, в том числе таможенной сферы, говорит: «**Взяв курс на полномасштабную цифровизацию таможенной сферы, мы четко знаем, что, какими бы совершенными ни были информационные ресурсы, роль человека остается ключевой**».

Зоонимическая метафора в контексте обсуждения профилактической медицины актуализирует прагматическую функцию в ее аргументативно-объяснительной разновидности: «**Таким образом,**

в общественном здоровье есть три кита, которые и определяют успех (или неуспех) различных мероприятий: первое — это повышение грамотности населения; второе — это создание мотивации, и третье — это как раз создание условий» (О. М. Драпкина). Как видно из примера, подобная репрезентация позволяет политику аргументировать, что именно эти факторы способны в корне изменить ситуацию с эффективностью профилактической медицины.

Метафоры со сферой-источником из областей «экономика и бизнес», «геометрия», «физика», «география» («**здоровье — ценность**», «**деловой климат**», «**глубина погружения в тематику**», «**вертикаль управления ветеринарной службой**» и т. д.) реализуют коммуникативную функцию и призваны объяснить явление или мнение.

Проведенный анализ совещательного дискурса председателя и членов Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации показал отсутствие доминантой метафоры с одной сферой-источником метафорической экспансии. Напротив, сферы-источники метафорической экспансии оказались разнообразны. Наблюдается их совпадение в дискурсе председателя и политиков, принимавших участие в совещаниях.

Доминирующей функцией метафоры в дискурсе В. И. Матвиенко выступала прагматическая функция. Функционал метафор в дискурсе членов Совета Федерации имел некоторые отличия. Лидирующей оказалась когнитивная функция в ее номинативно-оценочной разновидности, что логичным образом объясняется необходимостью дать оценку выполняемым действиям или полученным результатам для планирования дальнейшей работы по вопросам. На втором месте — коммуникативная функция в ее аргументативно-объяснительной и эвфемистической разновидностях. Представители различных направлений в доступной форме объясняют коллегам специфическую информацию и стремятся избежать резкой эксплицитной оценки определенных действий или событий, сохраняя рабочий, конструктивный настрой участников заседаний. Эстетическая функция практически не актуализируется.

Перспектива исследования заключается в сопоставлении метафоризации политического совещательного дискурса на материале нескольких языков с целью выявления инвариантных характеристик.

Список литературы

1. Алферов А. В., Е. Ю. Кустова. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию // *Политическая лингвистика*. 2014. № 3 (49). С. 24—32.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю.. Парламентская дискурсивная практика: интеракциональное картирование (на материалах официального сайта французской Национальной Ассамблеи) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2015. № 6 (717). С. 61—75.
3. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // *Политическая лингвистика*. 2005. № 15. С. 5—32.
4. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Джиоева В. П. Парламентские дебаты как жанр политического дискурса в Республике Южная Осетия // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 31—38.
6. Мукашева Р. М. Гендер и политический дискурс (на материале публичных выступлений киргизских политиков) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 6 (777). С. 158—169.
7. Каменева В. А., А. А. Перевалова. Доминантные сферы-источники метафорической экспансии в речах Б. Обамы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 17 (271). С. 80—86.
8. Китик М. В. Снижение интенсивности высказывания в политическом дискурсе: на материале стенограмм заседаний Британского парламента: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2004. 160 с.
9. Правикова Л. В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании): дис. ... д-ра филол. наук. Пятигорск, 2005. 425 с.
10. Сапрыкина Е. В. Способы репрезентации речевого действия «обвинение» в парламентском дискурсе: на материале парламентских дебатов бундестага ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 184 с.
11. Чудинов А. П. Постулаты уральской школы политической метафорологии // *Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива*. 2012. № 2. С. 85—93.
12. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.
13. Шамугия Л. Г. Функционально-прагматические характеристики французского парентетического дискурса: на материале парламентских дебатов: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 208 с.
14. Ширяева Т. А., Черноусова Ю. А., Триус Л. И. Основные коммуникативные стратегии в британском парламентском дискурсе дебатов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12 (54), ч. I. С. 204—207.
15. Шлёпкина М. А. Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // *Современная филология: материалы междунар. науч. конф.* Уфа: Лето, 2011. С. 222—227.
16. Handford M., Koester A. «It's not rocket science»: metaphors and idioms in conflictual business meetings // *Text & Talk*. 2010. № 30 (1). P. 27—51. DOI: <https://doi.org/10.1515/text.2010.002>.
17. Kondrateva O. N., Kameneva V. A. Diachronic political metaphorology: linguistic personology // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia*. 2019. P. 2797—2805. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.234>.

Источники

18. 473-е Заседание Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 14 февр. 2020 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/112660/transcript/> (дата обращения 30.08.2020).
19. 474-е Заседание Совета Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заседание от 17 февр. 2020 г. URL: <http://council.gov.ru/activity/meetings/113273/transcript/> (дата обращения 30.08.2020).

Сведения об авторах

Каменева Вероника Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. russia_science@mail.ru

Рабкина Надежда Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия. nrabkina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 4 (450). *Philology Sciences. Iss. 124. Pp. 57—64.*

FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE DISCOURSE OF POLITICAL MEETINGS

V. A. Kameneva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. russia_science@mail.ru

N. V. Rabkina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia. nrabkina@mail.ru

Political metaphorology sees metaphor, most of all, as an effective tool that helps the speaker to affect mass consciousness. This is because linguists concentrate mostly on big political events and discourse they produce, e. g., election campaigns, official meetings, international conflicts, important negotiations, public addresses, etc. However, this function is not the only one when it comes to political meetings. The present research featured political discourse of the meetings conducted by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation (2020). The authors used content analysis, intent analysis, and semantic-stylistic method to define the main function of the metaphors in the speech of the Chairlady Valentina Matvienko and twenty six Council members (118 cases). Pragmatic function proved domineering in both groups. It was closely followed by communicative and cognitive function, while esthetic function proved much less frequent. The research revealed no dominant metaphor with a single source domain in the speech of the Chairlady and the Council members. The list of source domains partially coincided.

Keywords: *political discourse, political metaphor studies, linguistic personology, pragmatic potential.*

References

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu. (2014) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (49), pp. 24—32 [in Russ.].
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. (2015) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6 (717), pp. 61—75 [in Russ.].
3. Bazylev V. N. (2005) *Politicheskaya lingvistika*, no. 15, pp. 5—32 [in Russ.].
4. Van Dejk T. (1989) *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Comprehension. Communication]. Moscow, Progress. 312 p. [in Russ.].
5. Dzhioeva V. P. (2019) *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no. 1, pp. 31—38 [in Russ.].
6. Mukasheva R. M. (2017) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 6 (777), pp. 158—169 [in Russ.].
7. Kameneva V. A., Perevalova A. A. (2012) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17 (271), pp. 80—86 [in Russ.].
8. Kitik M. V. (2004) *Snizhenie intensivnosti vyskazyvaniya v politicheskom diskurse: na materiale stenogramm zasedanij Britanskogo parlamenta* [Reducing the intensity of speech in political discourse: on the material of the transcripts of meetings of the British Parliament. Thesis]. Astrakhan. 160 p. [in Russ.].
9. Pravikova L. V. (2005) *Yazyk parlamentskih debatov (opyt sistemnogo opisaniya diskursa po terrorizmu v Kongresse SShA i Parlamente Velikobritanii)* [The language of parliamentary debate (experience of the systematic description of the discourse on terrorism in the US Congress and the UK Parliament). Thesis]. Pyatigorsk. 425 p. [in Russ.].
10. Saprykina E. V. (2007) *Sposoby reprezentacii rechevogo dejstviya "obvinenie" v parlamentskom diskurse: na materiale parlamentskih debatov bundestaga FRG* [Ways of Representation of Speech Action "Accusation" in Parliamentary Discourse: Based on the Material of the Parliamentary Debates of the German Bundestag. Thesis]. Ufa. 184 p. [in Russ.].
11. Chudinov A. P. (2012) *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*, no. 2, pp. 85—93 [in Russ.].
12. Chudinov A. P. (2013) *Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii* [Essays on Contemporary Political Metaphorology]. Ekaterinburg. 176 p. [in Russ.].

13. Shamugiya L. G. (2006) Funkcional'no-pragmaticheskie harakteristiki francuzskogo parenteticheskogo diskursa [Functional and Pragmatic Characteristics of French Parenthetical Discourse: Based on Parliamentary Debates. Thesis]. Pyatigorsk. 208 p. [in Russ.].

14. Shiryayeva T. A., Chernousova Yu. A., Trius L. I. (2015) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (54), vol. I, pp. 204—207 [in Russ.].

15. Shlyopkina M. A. (2011) *Sovremennaya filologiya*. Ufa: Leto. Pp. 222—227 [in Russ.].

16. Handford M., Koester A. (2010) *Text & Talk*, no. 30 (1), pp. 27—51. DOI: <https://doi.org/10.1515/text.2010.002>.

17. Kondrateva O. N., Kameneva V. A. (2019) *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences Complex Research Institute named after Kh. I. Ibragimov, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia*. Pp. 2797—2805. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.234>.

Sources

18. 473 Zasedanie Soveta Federacii // Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. Zasedanie ot 14 fevralya 2020 g. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/112660/transcript/>, accessed 30.08.2020.

19. 474 Zasedanie Soveta Federacii // Sovet Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. Zasedanie ot 17 fevralya 2020 g. Available at: <http://council.gov.ru/activity/meetings/113273/transcript/>, accessed 30.08.2020.